

А.И. Иванчик¹

Антиковедение в России: проблемы развития в современных условиях

Мое сегодняшнее сообщение посвящено тем проблемам и вызовам, которые стоят перед современным отечественным антиковедением, и о том месте, которое оно занимает в мировой науке. Я не буду говорить об проблемах, общих для всех дисциплин исторической науки, они достаточно хорошо известны, и постараюсь сконцентрироваться на тех, которые специфичны именно для изучения античной, т.е. греко-римской цивилизации.

Если рассматривать российскую антиковедческую школу в сравнении с другими национальными школами, то высшего уровня своего развития она достигла, как мне кажется, в начале XX века, в последнее десятилетие перед Первой мировой войной. В это время лидером в мировом антиковедении была Германия, а русская школа занимала примерно такое же положение, как другие ведущие национальные школы – французская или британская. Русские ученые были частью мирового антиковедения в той же мере, что и западные коллеги, часто они часть образования получали за границей, обычно в Германии, защищали там диссертации, публиковались в тех же изданиях, да и международные научные карьеры не были редкостью. Одни и те же профессора могли часть жизни преподавать в Германии, а часть – в России, как, например, один из крупнейших филологов-классиков Август Наук (1822 – 1892), начинавший карьеру в Берлине, а затем больше тридцати лет служивший профессором в Санкт-Петербурге. Будучи российским академиком, он был избран также в Прусскую, Баварскую и Нидерландскую академии. Российские археологи-классики и эпиграфисты работали, как и их западные коллеги, на памятниках, находящихся в Греции или на территории Османской империи, активно действовал крупный Русский археологический институт в Константинополе. Еще важнее, пожалуй, то, что число людей,

---

¹ Член-корреспондент РАН, д.и.н., научный руководитель Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН

профессионально занимающихся исследованиями или преподаванием классических дисциплин, было сравнимо с их числом в крупных западных странах – Германии, Франции, Великобритании, США. Во всех российских университетах преподавались классические дисциплины, в первую очередь классические языки. При этом основу образования составляли классические гимназии – путь к высшему образованию в любой сфере лежал через классическую гимназию, где греческий и латынь преподавались как правило на высоком уровне. Молодые ученые очень часто начинали свою карьеру как преподаватели гимназий; часть из них потом переходила в университеты, а многие оставались в гимназиях, так что нередкими были случаи, когда в них преподавали действующие ученые. Поэтому, например, инженер-путеец, читающий для отдыха на ночь Горация в подлиннике, был не редкостью, а нормой.

Высокий уровень российской антиковедческой науки полностью подтвердился после 1917 г. - в эмиграции некоторым из российских ученых удалось занять самые высокие позиции в западных университетах. Здесь, конечно, в первую очередь приходит в голову имя Михаила Ивановича Ростовцева (1870 – 1952), бывшего уже в момент отъезда в 1918 г. очень известным ученым и членом Российской академии наук. За тридцать лет своей послереволюционной научной карьеры в США Ростовцев, по всеобщему признанию, стал самым крупным и влиятельным антиковедом XX в. в мировом масштабе. Ни один другой специалист по античности первой половины XX в., вероятно, так много не цитировался и не оставил такого глубокого следа в мировой науке. Пример Ростовцева самый яркий, но не единственный: здесь можно вспомнить и более старшего Теодора, или Фаддея Францевича, Зелинского (1859 – 1944), ставшего главой польской школы классиков, и младшего Элиаса, или Илью Иосифовича, Бикермана (1897 – 1981), одного из крупнейших специалистов XX века по истории эллинизма. Бикерман в России успел только закончить классическую гимназию и три курса Петербургского университета, где учился в том числе и у

Ростовцева. Заканчивал обучение он уже в Берлине, после чего его ждала университетская, и неизменно блестящая, карьера последовательно в трех странах – Германии, Франции и США. Учитывая, что последние годы своей жизни он провел в Израиле, Бикермана можно считать четырежды эмигрантом. Итак, русская школа накануне Первой мировой войны была органичной частью мирового антиковедения, и принадлежала к числу ее лидеров. К сожалению, сейчас ситуация существенно отличается.

Прежде всего, система классических гимназий, ранее находившихся в основе классического образования, более не существует: она была упразднена уже в 1918 г. как реакционная и «буржуазно-дворянская». Однако в этом отношении в России ситуация не очень отличается от общемировой – классическое образование в средней школе практически повсеместно почти исчезло, хотя произошло это на несколько десятилетий позже, чем в России, и было постепенным процессом, а не намеренным разрывом традиции. Несмотря на то, что преподавание греческого и латыни в школах западных стран сохраняется, оно занимает там откровенно маргинальные позиции. В России за последние 25 лет в этом отношении произошли существенные изменения к лучшему – сначала в Петербурге, а затем и в Москве появились классические гимназии, где древние языки и дисциплины, связанные с античной культурой, преподаются на самом высоком уровне. Это, конечно, очень отранно, хотя, не изменяет маргинального – или, если посмотреть с другой точки зрения – элитарного положения классического образования в современной средней школе – как в России, так и за рубежом.

Ситуация с преподаванием классических дисциплин в российской высшей школе, к сожалению, совсем не так хороша. В России есть учебные заведения, где можно получить хорошее антиковедное образование, но их катастрофически мало. По сути дела, полный цикл антиковедческих дисциплин преподается лишь в Москве и Петербурге, и в первую очередь это касается самой основы антиковедения – преподавания греческого и латинского языков.

Таково же было положение и к концу советского времени, во всяком случае если говорить о территории России. Но и за ее пределами сравнимый по уровню антиковедческий центр существовал только в Тбилиси. К сожалению, за постсоветские годы удалось создать лишь один новый центр, сопоставимый и даже в чем-то превосходящий МГУ и Санкт-петербургский университет – Институт восточных культур и античности (ИВКА) РГГУ, 25-летие которого недавно отмечалось. В самое последнее время антиковедческие программы появились также в ВШЭ и РАНХиГС, однако они еще только зарождаются, и об их успехе или неуспехе судить пока рано.

Важным достоинством обучения антиковедению в РГГУ является историко-филологический подход. Программа обучения филологов и историков в ИВКА в значительной мере совпадает, в отличие от двух традиционных университетов, где филологов и историков учат отдельно и где качество их языковой подготовки довольно сильно отличается.

Здесь надо сказать, что антиковедение, несмотря на нарастающую в современной науке специализацию, в значительной мере сохраняет свой синтетический, междисциплинарный, характер – в той же мере, как классические востоковедение и, вероятно, более, чем остальные исторические и филологические дисциплины. Антиковедение состоит из трех основных дисциплин: филологии, истории и археологии (с примыкающим к ней искусствоведением). При этом границы между ними часто довольно зыбкие, и для успешных занятий одной из дисциплин необходимо на профессиональном уровне разбираться в других, а про некоторые специальности и вовсе трудно сказать, как их следует классифицировать. Эпиграфика, например, требует равной квалификации и в лингвистике, и в филологии в узком смысле слова, и в истории, и в археологии. При этом от данных, поставляемых эпиграфикой, зависят все эти дисциплины. Особенно тесно связаны история и филология. По этому поводу я позволю себе повторить высказывание, пожалуй, самого авторитетного современного немецкого историка античности – Ханса-Йоахима

Герке. Недавно он совершенно правильно заметил – «хорошая история – это филология». Добавлю еще, что сам Герке при этом совсем не чужд также и археологии, и неспроста он четыре года (2008 – 2011) был президентом Германского археологического института. Учитывая такой синтетический характер антиковедения, на Западе классических филологов, историков, и археологов часто готовят вместе. В англо-саксонской традиции и вовсе эти дисциплины преподаются в одном департаменте, именуемом Classics. К сожалению, в российских университетах историков, филологов и археологов готовят отдельно, и эти границы для студентов трудно преодолимы. Поэтому познания многих историков, а тем более археологов в древних языках часто недостаточны.

Как я уже сказал, к сожалению, в полном объеме в настоящее время антиковедение преподается лишь в 3-4 университетах, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге. Конечно, во многих нестоличных университетах антиковедение представлено – но речь идет только о его отдельных дисциплинах. Лучше всего положение с классической археологией – довольно сильные школы античной археологии существуют в Саратове, Нижнем Новгороде, Ростове, Магнитогорске и некоторых других городах. Историки-антиковеды, часто очень неплохого уровня, также преподают во многих университетах, как правило в рамках общих программ по всеобщей истории: кроме уже упомянутых университетов, следует назвать Казань, Ярославль, Екатеринбург. Хуже всего положение с классической филологией – за пределами Москвы и Петербурга подготовка по этой дисциплине почти нигде не ведется. Единственными исключениями, насколько я знаю, являются Томский университет, где с 1992 г. существует специализация по классической филологии на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, и Петрозаводский университет, где кафедра классической филологии действует с 1995 г. Конечно, греческий и латинский языки в каком-то объеме преподаются во многих университетах, а в Новосибирске или

Саратове работают и вполне квалифицированные филологи-классики, но как правило это преподавание уже по самому своему объему может быть названо скорее ознакомлением с древними языками, чем их изучением. Это, в свою очередь, негативно отражается и на подготовке историков, не получающих должной филологической подготовки.

Такая ситуация с подготовкой кадров, сохраняющаяся, замечу, чуть ли не в течение ста последних лет, имеет два важных последствия: количественное и качественное.

Если брать количественный аспект, то российские антиковеды – это очень маленькое по сравнению с западными странами профессиональное сообщество. Сто лет назад, как уже говорилось, количество российских антиковедов было сравнимо с количеством коллег в ведущих научных державах, но эти сто лет развитие там и в России в этом отношении шло в противоположных направлениях, и теперь здесь разница на порядок. Так, в профессиональном объединении американских классиков, не включающем археологов, Society of classical studies, насчитывается ок. 3200 членов. Если сюда добавить классических археологов, объединенных в Archaeological Institute of America, это число по меньшей мере удвоится – а вообще-то это объединение насчитывает ок. 210 000 членов. В каждой из ведущих европейских стран - Великобритании, Франции, Германии - в области различных антиковедческих дисциплин по самым скромным оценкам работает несколько тысяч человек. В Российской ассоциации антиковедов, которая, кстати, в этом году впервые официально вошла в Международную ассоциацию классических исследований (FIEC), насчитывается ок. 130 членов, включая археологов. Конечно, не все российские антиковеды являются членами ассоциации, но если мы это число удвоим, я думаю, оценка будет реалистичной – около 300 человек, профессионально занятых антиковедением во всей России. Учитывая такую огромную чисто арифметическую разницу, было бы, конечно, неуместно сравнивать российское антиковедение со школами таких стран, как США,

Канада, Франция, Германия, Великобритания, Италия и даже Испания. Корректные сравнения возможны с небольшими национальными школами, такими как шведская, финская, датская или голландская. Это может показаться обидным для страны с населением в 143 млн. человек – но ведь даже и по размеру экономики еще пятнадцать лет назад Россию сравнивали с Португалией.

Небольшой численный состав, однако, вовсе не означает автоматически низкого качества, и уровень классических исследований в тех же Финляндии, Дании или Нидерландах, весьма высок, а выходцы из антиковедных школ этих стран успешно конкурируют за научные позиции со своими коллегами и в США, и в Германии, и в других странах. Как же обстоит с этим дело в России? Мой ответ на этот вопрос не будет однозначным. Дело в том, что в российском антиковедении сложилось две группы исследователей, различающиеся между собой не только по степени интеграции в мировую науку, но и по своему отношению к необходимости такой интеграции, и ответ для этих двух групп будет разным.

К первой относятся безусловные сторонники такой интеграции, стремящиеся преодолеть последствия изоляции в советское время и участвовать на равных в международных исследованиях. Осознавая, что в антиковедении русский язык не может претендовать на статус международного, эти исследователи публикуются на тех языках, которые такой статус имеют, причем в западных журналах и издательствах, имеющих широкую аудиторию. Только так российский ученый может надеяться, что его голос будет услышан. В нашей дисциплине английский еще не вытеснил другие международные языки, и хочется надеяться, что в ближайшем будущем этого не произойдет, так что публикации и на немецком, французском и итальянском также имеют все шансы быть прочитанными, в том числе и в англоязычных странах. Одновременно исследователи этой группы продолжают публиковаться и по-русски в российских изданиях. Делается это не столько для того, чтобы

обеспечить более широкую аудиторию своим работам (хотя и для этого тоже), сколько исходя из представления о необходимости сохранения научного дискурса и способности научного мышления на родном языке – задача, пожалуй, не менее важная, чем собственно научные исследования. Понятно, что полный отказ от публикаций на родном языке довольно быстро приведет к отказу от университетского преподавания на нем, а затем и к утрате понятийного аппарата и способности строить сложные научные рассуждения, используя родной язык. В таком подходе к публикациям исследователи этой группы следуют той же стратегии, что и другие представители «малых» научных школ – и финны, и датчане, и голландцы активно публикуются на английском или немецком (и только эти работы и читаются за пределами их стран), однако продолжают печататься и защищать диссертации и на своих языках.

Ученые этой группы активно участвуют и в других формах международного сотрудничества – конференциях, международных проектах и т.д., получают временные позиции в западных исследовательских центрах, в частности по грантам, а в некоторых случаях выигрывают конкурсы и на постоянные позиции. Относительно высокая успешность выходцев из российской антиковедческой школы в конкуренции за международные гранты и рабочие места, на мой взгляд, является лучшим свидетельством сохранения высокого уровня нашей школы. Таким образом, по этому показателю она вполне соответствует «малым» европейским антиковедческим школам – людей мало, но они в среднем высокого уровня.

Мне известно больше двух десятков российских антиковедов, которые работают на постоянных или длительных контрактах на Западе и могут быть причислены к тому, что сейчас модно называть «научной диаспорой». Они принадлежат к разным поколениям – это и молодежь, уехавшая из России вскоре после получения диплома о высшем образовании или защиты диссертации, и люди среднего и старшего возраста. Если среди первых

большинство работает на временных позициях вроде пост-доков, то последние часто занимают постоянные позиции. Исследователи этой группы, сейчас работающие в России, почти все имеют опыт работы в течение одного или нескольких лет на Западе. Особенно привлекательны для них оказались немецкие программы Фонда им. Александра фон Гумбольдта и DAAD, но многие работали и в других странах. Такой опыт, безусловно, очень благотворно отражается на их кругозоре и научном уровне.

К сожалению, далеко не все российские антиковеды считают подобную интеграцию необходимой, да и не все на нее способны. Они составляют вторую группу, которая условно может быть названа изоляционистской. Некоторые из них (далеко не все, конечно) достаточно хорошо образованы, читают на иностранных языках и следят за новыми публикациями, однако сами не предпринимают никаких усилий, чтобы публиковаться на международных языках. Иногда при этом приходится слышать высказывания вроде: «Если им надо, пусть учат русский язык. Я же их читаю по-английски». Учитывая удельный вес российского антиковедения в мировом, о котором я говорил, такие ожидания, конечно наивны. Нужно стать новым Проппом или Бахтиным, чтобы работы, изданные по-русски, стали читаться и цитироваться – да и то не в оригинале, а в переводах. Надо сказать, что эта группа настолько обширна, что составила настоящее сообщество – «изоляционисты» читают и цитируют друг друга, публикуются в собственных изданиях, никому не известных за пределами России, организуют конференции, где слушают и обсуждают работы друг друга, оппонировать диссертации друг друга, среди них есть корифеи, признанные внутри сообщества – но не за его пределами. Все это создает некую видимость научной жизни, подчас довольно комфортной, которая продолжает традиции советской эпохи – с той разницей, что тогда изоляция была вынужденной, а сейчас она добровольная. В этой среде до сих пор остается похвалой знаменитая формула: «Имярек впервые в отечественной науке показал то-то и то-то», в действительности оскорбительная, поскольку

указывающая на отсутствие настоящей оригинальности. Средний научный уровень этого сообщества, конечно, невысок, однако некоторые из его членов пишут и вполне качественные работы, которые могли бы быть опубликованы в хороших западных изданиях, однако сами авторы не предпринимают для этого никаких усилий. Впрочем, со временем пребывание в этой замкнутой среде и талантливых ученых приводит к деградации. Еще хуже то, что это сообщество самовоспроизводится и поглощает немалую часть и так немногочисленной молодежи.

В этой связи можно задаться вопросом, который, кстати, мне не раз задавали зарубежные коллеги: «А есть ли все же такая область антиковедения, где российская школа безусловно лидирует, и где без русского языка не обойтись?». Такая область, безусловно, есть – это изучение черноморского региона, причем не только Северного Причерноморья, но и остальных его побережий, включая южный, турецкий, берег. Касается это не только археологии, но также и изучения текстов, прежде всего, эпиграфики. В советское время господство в этой области отечественных ученых было безраздельным, но и сейчас они по-прежнему занимают здесь лидирующие позиции, хотя в последнюю четверть века черноморским регионом заинтересовались и западные исследователи, и здесь было организовано несколько совместных с ними проектов. Однако перевес по числу и качеству публикаций по-прежнему остается за российскими и украинскими исследователями, так что в этой области русский язык является действительно необходимым для любого специалиста. То же, хотя и с существенными оговорками, верно и для других территорий СССР – Закавказья и Средней Азии. Из тех областей, где у российских антиковедов нет этого естественного географического преимущества, пожалуй, единственная, которая приходит в голову – это довольно специфическая, но важная, дисциплина – изучение греческих амфорных клейм. Пионером исследований здесь был советский эпиграфист и археолог Б.Н. Граков, и вплоть до 80-х годов по этой тематике

преобладали работы на русском языке. Однако сейчас ситуация изменилась, хотя русский язык в этой области сохраняет свое значение наравне с французским и английским. В других же областях, где вклад российских ученых значителен, например, в истории античной географии, их основные труды опубликованы на международных языках. Но даже и в тех областях, где русскоязычные публикации доминируют, отказ от включения своих исследований в широкий международный контекст, в том числе с точки зрения проблематики и методики, неизбежно ведет к провинциализации.

Подводя итог, я бы сказал, что основные проблемы отечественного антиковедения в настоящее время следующие: 1. Недостаточное число университетов, дающих хорошее классическое, в первую очередь филологическое, образование, к тому же сконцентрированных в двух столицах; 2. Излишняя сегрегация студентов, обучающихся различным антиковедным дисциплинам, в результате чего историки и особенно археологи не получают должной языковой подготовки, а филологи недостаточно хорошо представляют себе исторические реалии; 3. Связанный с этими проблемами недостаток новых кадров, имеющих хорошую профессиональную подготовку; 4. Наличие довольно большой группы ученых, предпочитающих самоизоляцию интеграции в мировое научное сообщество, и тем самым, по сути дела, замещающих науку квазинаукой.